

Вырезка из газеты

ЗАРЯ ВОСТОКА

г. Тбилиси

17 АЗГ 1979

ОДЕРЖИМОСТЬ МАСТЕРА

К 80-ЛЕТИЮ
АКАКИЯ ВАСАДЗЕ

Не в изобилии ролей, не в их разнообразии и даже не в успехе, который им неизменно сопутствовал, а в работе над каждой из них черпал Акакий Васадзе подлинное творческое удовлетворение. Любой начинающий актер мог бы позавидовать его энергии, молодости, неутомимости в работе и поучиться вместе с тем той глубочайшей серьезности и мудрости, которые актер постоянно вкладывал в свое служение высокому искусству Театра.

Акакий Васадзе жил в театре преданно, беспокойно и одержимо. Театр был для него не просто любимой профессией. Театр для Васадзе — привязанность фанатическая. Со всеми своими буднями и праздниками, радостями и тревогами. Театр всегда был и оставался его единственной, всепоглощающей страстью. С открытым сердцем шел он навстречу творчеству и труду — высокий профессионализм его искусства являл собой блестящий пример вдохновенного отношения к своей профессии, а неустанный стремление к совершенствованию открывало ему, актеру-труженику, путь к сложному искусству перевоплощения, делало обладателем исключительного, почти виртуозного мастерства.

Актерская жизнь Акакия Васадзе начиналась непросто. Не было длительного периода «собрания сил», не было времени для «разгона». Все пришло сразу и бурно. Его первое появление в 1922 году на сцене театра имени Руставели в образе жизнерадостного и задорного Менго из марджановского «Фуэнте Овехуна» сразу определило его место в жизни рождающегося советского театра Грузии, принесло ему всеобщее признание. В высокую миссию спектакля, ставшего переломным для всего грузинского театра, вносил немалую лепту молодой Акакий Васадзе. Звонкая песня юноши Менго звучала напутствием юноше-актеру в далекий и трудный творческий путь.

На этом пути Васадзе не был одинок. Вместе со своими сподвижниками по работе Верико Анджапаридзе, Тамарой Чавчавадзе, Акакием Хо-

рава, Ушанги Чхеидзе, Васо Годзишвили, Шалвой Гамбашидзе и многими другими ему было суждено выразить и воплотить на практике художественные устремления своих учителей — выдающихся режиссеров современности Котэ Марджанишвили и Сандро Ахметели. Настойчиво, с присущей ему цепкостью и хваткой воспитывал в себе Васадзе все то ценное, что нес в своем творчестве каждый из этих мастеров.

У Марджанишвили учился он глубиной, настроенной проникновенности и тончайшие нюансы человеческой психологии, точности осмысления внутреннего актерского самочувствия, впитал от него большую исполнительскую культуру и прочно укрепился в русле реалистических традиций. От Сандро Ахметели унаследовал он ощущение пластической выразительности жеста и тела, острое понимание национальной характеристики и романтической приподнятости изображаемых образов.

Искусство Васадзе было активным, действенным, глубоко партийным. Актер умел бывать на сцене не только страстным, но и пристрастным, не только интерпретатором, но и арбитром роли, при этом арбитром строгим, непримиримым, бескомпромиссным. Умел в нужный момент «отстраниться», по-брехтовски «со стороны» взглянуть на своего героя, осудить его или посмеяться над ним, или, наконец, громко утвердить его право на жизнь и борьбу.

Смех Васадзе никогда не был «тепличным», приглушенным, безмятежным. Порхающие водевильные герои — не его герои. Характерности А. Васадзе всегда была остра, непримирима. Даже трагична. Такими трагичными были в свое время его Клавдий из «Гамлета» и шиллеровский Франц Моор — неистовые и гонимые, коварные и страждущие, колючие и обреченные в одно и то же время. Таким был и знаменитый васадзевский Яго — антипод Отелло — Хоразва, самодовольный и дерзкий солдафон, идущий напролом к своей цели, отлично знающий стратегию боя и упивающийся изоб-

ретением методов борьбы. Цинизм и оголтелая ненависть к человеку осмысливались Акакием Васадзе с позиций широкого социального фона эпохи и объективно утверждали мысль о невозможности гармонии прекрасного в мире, где сеют хаос такие люди, как Яго. Именно поэтому образ Яго как антипода Отелло воспринимался в плане острого социального обобщения, доходящего до огромного, всеисчерпывающего символа. После спектакля «Отелло» великий русский актер В. И. Качалов писал в своем письме А. А. Хоразва: «...Крепко жму Вашу руку и руку партнера Вашего Яго, обоим вам кланяюсь низко...»

Искусство Васадзе не знало сковывающих границ амплуа. Среди ста с лишним сыгранных им ролей есть и героические, и острохарактерные, и глубоко психологические образы — в них проявились его сверкающий талант, богатство его актерских возможностей, яркое национальное своеобразие.

Актер острой, отточенной, почти чеканной формы, Акакий Васадзе старался не отяжелить свои роли излишним нагромождением деталей. Напротив, ему было присуще умение отобрать необходимое, самое существенное, самое точное, самое конкретное.

Каждая новая роль для Васадзе была схваткой с жизнью, желанием властно подчинить себе новое, еще никем не открытое, побороте неодолимое. В этом сложном процессе исканий и борьбы А. Васадзе увлекало глубинное осмысление внутреннего течения жизни роли, тончайшие психологические нюансы в характеристике образа. Его актерская «дерзость», его блестящее филигранное мастерство, которые порой воспринимались как нечто превеличественное — непропорциональное по отношению к так называемой житейской правде, ни в коей мере не подавляли огромного эмоционального накала образов, им создаваемых. Самую яркую и укрупненную «броскость» формы актер всегда сочетал с убедительной сценической достоверностью.

Но жизнь и творчество Акакия Васадзе — отнюдь не только успех. Актер-искатель, он познал и горечь неудач, но никогда не падал духом. Он всегда был солдатом от искусства и твердо стоял на боевом посту своей профессии. И замечания критики воспринимал он — уверенный в себе и стойкий боец — как боевой наказ на будущие ратные подвиги. Это искусство — искусство стойкости — дано только подлинному художнику.

Так жил он в театре, не упокаясь на достигнутом, не уступая времени. И не удивительно, что его неумной натуре было тесно в рамках одной актерской профессии. Васадзе исподволь воспитывал в себе режиссера и создал за годы своей работы в театре около шестидесяти спектаклей. Можно с уверенностью сказать, что и режиссура стала его профессией. Васадзережиссер не отступал от своего актерского кредо — стремился к яркой образности, к смелому, небудничному решению спектаклей, к большим социальным и художественным обобщениям. Он и в режиссуре следовал за своими учителями — Марджанишвили и Ахметели. Как утверждение живучести их славных традиций звучали на грузинской сцене его постановки пьес «Арсен» С. Шаншишвили, «Богдан Хмельницкий» А. Корнеевчука, «Олеко Дундич» Каца и Ржевского, «Великий Государь» В. Солдывева, «Киквидзе» В. Дарасели, «Ричард III» Шекспира (последний был создан им на сцене Кутаисского драматического театра имени Л. Месхишвили, где он проработал в течение тринадцати лет художественным руководителем).

Акакия Васадзе нет среди нас. Но он оставил о себе не только память — множество замыслов и стремлений. Его любят и помнят как артиста, режиссера, профессора и одного из основателей Грузинского театрального института имени Шота Руставели, воспитателя молодых кадров. Его любят и помнят за то, что в своем творчестве он сумел отразить лучшие черты актера советской эпохи и немало сделал для утверждения славы своего театра.

Много лет отдал А. Васадзе Руставскому театру, творил рядом с молодежью и сам молодец. В конце жизни он — актер театра имени К. Марджанишвили, где создал целый ряд замечательных образов.

Этери ГУГУШВИЛИ.